

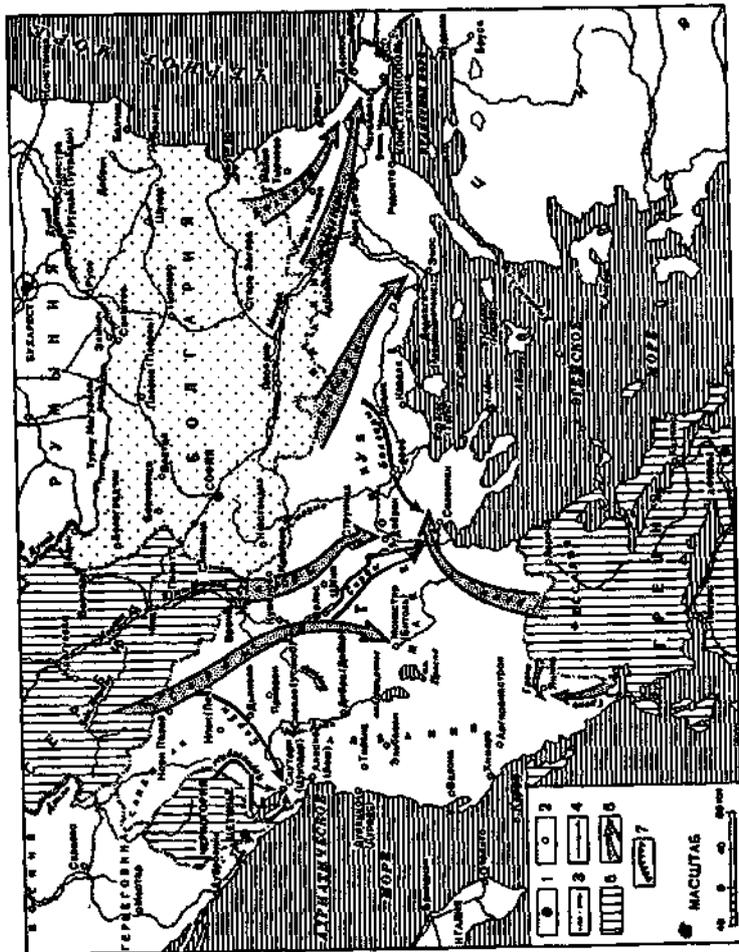
ИСКЕНДЕРОВ П.А. БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912-1913 гг.// В «пороховом погребЕ Европы». 1878-1914 гг. М., 2003.

Исходным пунктом в формировании Балканского союза, сыгравшего решающую роль в коренном изменении геополитической ситуации на Балканах в преддверии Первой мировой войны, явились переговоры между Сербией и Болгарией о заключении союзного договора. Они начались непосредственно после начала итало-турецкой войны и проходили при активном участии российской дипломатии. В результате 13 марта 1912г. был подписан сербо-болгарский договор о дружбе и союзе, к которому прилагалось секретное приложение, предусматривавшее совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Согласно утвержденной сторонами карте территориальных приращений, граница между двумя государствами в этой области должна была проходить по линии, начинающейся к северу от города Крива Паланка и заканчивающейся у города Струга на Охридском озере, оставляя Сербии Скопье, и одновременно доводя пределы Болгарии до албанских земель '.

Болгария и Сербия гарантировали друг другу государственную независимость и территориальную целостность. Стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу максимальную поддержку в случае нападения на одну из них, а также в случае, если какая-либо третья держава попытается присоединить или оккупировать какую бы то ни было часть балканской территории, находящейся под турецким контролем, и если одна из сторон сочтет это посягательством на свои жизненные интересы. Сербия признавала за Болгарией права на территорию к востоку от Родопов и р. Струмы, а Болгария за Сербией — права на территорию к северу и западу от Шар-Планины. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора.

Вслед за договором, между двумя государствами была подписана 12 мая 1912 г. военная конвенция, дополненная затем двумя соглашениями болгарского и сербского генеральных штабов от 2 августа и 28 сентября 1912 г.

Осенью 1911 г. начались аналогичные переговоры между Болгарией и Грецией, и 29 мая 1912 г. состоялось подписание союзного болгаро-греческий оборонительного договора. Стороны обязались в случае нападения Турции на одну из них оказывать соответствующую

Первая Балканская война 1912-1913 гг.

1. Столицы
2. Прочие города
3. Государственные границы
4. Железные дороги
5. Государства Балканского союза, кроме Болгарии
6. Важнейшие направления ударов союзных войск
7. Турецкие позиции на Черноморских высотах

щее содействие всеми своими вооруженными силами и не заключать при этом сепаратного мира. Приложенная к договору декларация предусматривала, что статья о взаимопомощи не относится к случаю возникновения войны между Турцией и Грецией вследствие принятия в греческий парламент депутатов с о. Крит вопреки воле Константинополя. В данной ситуации Болгария брала на себя обязательство сохранять по отношению к Греции благожелательный нейтралитет. 5 октября 1912г. была подписана болгаро-греческая военная конвенция.

Наконец, в сентябре 1912г. было заключено устное соглашение между Болгарией и Черногорией о совместных действиях против Турции; и 1 октября 1912г. Никола Петрович Негош издал указ о мобилизации черногорской армии. Однако, наряду со стратегическими целями общего характера, связанными со

стремлением покончить с многовековым турецким господством на Балканах и расширить свои территориальные пределы, в качестве катализатора первой Балканской войны выступило одно обстоятельство тактического характера, связанное с новым и наиболее значительным албанским восстанием, достигшим своей кульминации летом 1912 г. Успешные действия повстанцев вынудили Константинополь впервые за все время развития албанского движения всерьез заговорить о необходимости осуществления политико-административных реформ в Албании, что, в свою очередь, насторожило балканских союзников, видевших в албанском национальном движении непосредственную угрозу своим жизненным интересам и ревниво относившимся к возможным уступкам по отношению к нему со стороны турецких властей. Подобная позиция находила понимание и поддержку во внешнеполитическом ведомстве Санкт-Петербурга. В этой связи хотелось бы сослаться на обстоятельное донесение российского посла в Константинополе М. Н. Гир-са от 29 июля 1912 г. на имя управляющего Министерством иностранных дел России. Излагая содержание своей беседы с министром иностранных дел в новом турецком кабинете Габриэлем Эфенди Норадунгьяном, российский дипломат пишет: «На мой вопрос, насколько справедливы ходящие по городу (Константинополю. — *Авт.*) слухи о намерении Правительства предоставить албанцам широкие льготы и едва ли не некоторую автономию (а почему нет? — *Авт.*), Габриэль Эфенди ответил, что, будучи всего второй день у власти, Кабинет не выяснил еще вполне определенно свой образ действий по отношению к Албании.

Я воспользовался этим обстоятельством, чтобы высказать ему, что я вполне понимаю щекотливость положения Порты в этом деле,

Балканские войны 1912—1913гг.

479

так как в Турции много национальностей, и они будут вполне естественно с напряженным вниманием следить за политикой, применяемой Правительством к албанцам, и рассчитывать, что предоставляемые последним льготы распространятся и на них.

Мне казалось необходимым ныне же в вполне дружеской форме привлечь на это обстоятельство внимание Порты, так как здесь, действительно, вследствие общего стремления скорее покончить с албанским движением, пропагандируется идея о создании какой-то полуавтономной Албании, выкроить которую можно лишь в ущерб славянским элементам, имеющим исторически обоснованные притязания на большую часть территории, населенной албанцами»².

6 августа 1912 г. управляющий Министерством иностранных дел России А. А. Нератов направил секретную телеграмму М. Н. Гирсу, в которой говорилось: «Из сообщаемых Вам телеграмм Представителям в Балканских странах Вы осведомлены об усилиях, которые мы делаем для успокоения местных прав и предотвращения активных с их стороны выступлений. В этих выступлениях несомненно кроется серьезнейшая опасность для общего мира. Но они могут быть вызваны стечением таких обстоятельств, которые сделают неизбежным общее движение. К числу таких обстоятельств нужно отнести характер соглашения, могущего установиться между Турецким Правом и Албанцами. В случае дарования последним широкой автономии и с включением в Албанскую территорию округов со смешанным населением несомненно возникнут все сложные национальные вопросы Македонии и может быть единоличные выступления отдельных Держав, претендующих на исключительную роль в той или другой Турецкой области»³.

Руководствуясь вышеприведенными соображениями, российский дипломат в ходе своих бесед с представителями правительства в Константинополе оказывал постоянное давление на турецкое руководство, обращая «его внимание на опасность для общего мира, кроющуюся в том или ином способе разрешения ныне турками албанского вопроса» и предостерегая его — в конечном итоге, безрезультатно — от каких-либо уступок в отношении албанцев⁴.

Все беспокойнее становилось в балканских столицах. По словам российского

поверенного в делах в Афинах князя С.Л.Урусова, «здешнее правительство очень озабочено последствиями албанского восстания, о чем свидетельствуют как мысли, высказанные эллинским Министром Иностранных Дел..., а также статьи, появившиеся в афинской прессе. Воинственный пыл некоторых из этих статей, хотя и не представляет важного значения, служит однако мерилом тех пертурбаций, которые могут возникнуть при первом же удобном

480

Балканские войны 1912–1913гг.

Балканские войны 1912–1913гг.

481

случае. Таковой может представиться в любой момент в виду озлобления, вызванного среди эпириотов, македонцев болгар и прочих соседей разбушевавшейся Албании грабежами, убийствами и захватами последней. Здешние Сербский и Болгарский Посланники говорили мне, что они крайне обеспокоены тем оборотом, который могут принять дальнейшие события. Сербский Посланник говорил, конечно, об австрийской опасности. Он старался доказать мне, что положение его Государства таково, что если защиты сербам от России не будет, то им волей неволей придется, после неравной борьбы, перейти под австрийское владычество и работать годами и десятилетиями над соединением всех сербов Двуетной Монархии. Такое присоединение Сербского Королевства к Австрии, удовлетворяющее ее вождениям, представляется для интересов России в будущем настолько гибельным, что сказанный дипломат не допускает и мысли, чтобы она не сделала всего возможного для воспрепятствования ему.

Болгарский Посланник, Г-н Хаджи-Мишев, не пропускал случая? повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет, и что раз до сих пор лозунг остается прежний — соблюдение статус-кво, то и Болгарское Правительство, — правда, скрепя сердце, — не будет его нарушать. Но вчера Посланник высказал мне, что события в Албании и Македонии поведут, по его мнению, к такому; нарушению статус-кво, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из Балканских Государств не может быть и речи»⁵.

12 августа 1912г. российский дипломатический представитель] в Софии А. В. Неклюдов имел разговор с И. Гешовым, в ходе ко торой глава болгарского кабинета попросил своего собеседник; «не скрыть от Императорского Правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других приближающихся в сущности к автономии, а в особенности рас пространение этих прав на все четыре вилайета — представило бы совершенно нестерпимым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов. В Македонии, Старой Сербии! и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновлены усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы! добиться распространения этих прав и на неалбанское христианское население. Болгарское Правительство наряду с Сербией и Грецией поставлено было бы в самое безвыходное положение и при нуждено поэтому заранее установить обеспечение и болгарском населению тех же прав, которые будут предоставлены Портой албанцам»⁶.

Российский поверенный в делах в Сербии В. Н. Штрандтман предупреждал: проявляемая турками «по отношению к албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно Императорскому Правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове»⁷.

Помимо России, другие великие державы также с большим беспокойством наблюдали за сползанием Балкан в пучину войны. Помимо нарушения установленного международными договорами и соглашениями status quo на Балканах, эти события могли привести к резкой дестабилизации всей международной обстановки в Европе, поскольку в них легко могли быть втянуты практически все ведущие европейские государства. Однако убедить балканских правителей решать проблемы мирным путем

не удалось.

Последней попыткой великих держав предотвратить эскалацию военных действий между балканскими союзниками и Портой стало их совместное заявление, разработанное при непосредственном участии министра иностранных дел России С.Д.Сазонова и премьер-министра Франции Р. Пуанкаре и сообщенное от имени шести государств российским и австро-венгерским представителями соответствующим лицам в Белграде, Софии, Афинах и Цетинье. Оно гласило:

«1) Державы порицают всякий шаг, могущий привести к нарушению мира, 2) На основании статьи 23-й Берлинского договора державы, в интересах христианского населения, возьмут в свои руки проведение административных реформ в Европейской Турции, сохраняя неприкосновенными права султана, а равно и территорию Оттоманской империи, 3) Если бы, тем не менее, между Балканскими государствами и Портой возникла война, то державы не допустят, по ее окончании, никакого изменения территориального статус-кво Европейской Турции»⁸.

Однако балканская военная машина уже была запущена. По воспоминаниям Сазонова, «достигшие полного объединения в военном отношении, Балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счета за вековое и безжалостное угнетение», и побудить их согласиться на очередную коллективную попытку великих держав добиться выполнения Турцией много раз обещанных и никогда не выполнявшихся до конца реформ не представлялось возможным»⁹.

Иным по форме, но аналогичным по существу образом причины войны были изложены в воззвании Балканского комитета, действо-

482

Балканские войны 1912—1913гг.

вавшего в Лондоне, которое было опубликовано на страницах британской прессы 12 октября 1912 г. Основные положения документа сводились к следующему:

«Война, стоящая на пороге, не будет рядовой войной между одетыми в униформу армиями цивилизованных государств, а станет ожесточенной борьбой между соперничающими расами, ненавидящими друг друга на протяжении веков, и от ее ужасов больше всех будут страдать женщины и дети несчастного населения»;

«История свидетельствует, что ответственность за эту войну падает на великие державы, и в наибольшей степени на Великобританию. Эта война была подготовлена Берлинским конгрессом, который, по настоянию Великобритании, возвратил под непосредственное управление Турции области, которые были освобождены русским оружием. С этого дня осталось выбирать между новой войной за освобождение или действительными реформами. Поскольку реформы вечно откладывались, настало время войны»;

С 1880 по 1902 гг. «европейский концерт» сидел сложа руки, в то время как несчастное положение угнетенных народов становилось все хуже. Шесть лет было потеряно в попытках ввести в действие пустую и маловажную Мюрцштегскую программу. Затем произошла младотурецкая революция, и Европа по праву предоставила новому движению свободу рук. Но попрание конституции, нападения на церкви, на школы, на христианские общины, бойкотирование греческой торговли, упразднение албанского языка, различные насилия и, наконец, случаи прямой резни — все это доказало, что младотурецкий режим, несмотря на надежды, которые он внушал, все-таки оказался неспособным по своей инициативе осуществить реформы»;

«Отсутствие реакции со стороны великих держав на неопределенное австрийское предложение о „децентрализации" предоставило еще одно доказательство, что балканские народы должны полагаться только на себя, если желают положить конец невыносимому положению их соотечественников в Турции»¹⁰.

8 октября 1912 г. в 10 часов утра Черногория первым из балканских государств объявила войну Турции; а уже через час король Никола_ принимал в Цетинье дипломатических представителей России и Австро-Венгрии Арсеньева и Гизля,

которые предприняли последнюю безуспешную попытку убедить монарха приостановить военные приготовления и добиваться от Турции проведения требуемых реформ в ее европейских областях мирным путем, опираясь на коллективную волю великих держав ".На следующий день в стране был обнародован королевский манифест, в котором говорилось, что целью войны является освобождение

Балканские войны 1912-1913 гг.

483

все еще находящейся под турецким господством части сербского народа, а также присоединение к Черногории Шкодринской Ма-лессии; и тогда же были начаты боевые действия на черногоро-ту-рецком фронте ¹². Одновременно союзники направили в Константинополь ноты, в которых потребовали скорейшего проведения в Македонии реформ под их контролем, а в Болгарии и Сербии была проведена спешная мобилизация вооруженных сил с прицелом на скорейшее развертывание наступательных операций в Македонии ¹³.

Не получив ответа от турецкого правительства, армии союзников перешли 18 октября турецкую границу.

События развивались на трех основных театрах боевых действий: болгарская армия развивала наступательные операции в направлении Фракии и Константинополя, греческие войска сконцентрировали свои усилия на занятии как можно более обширных территорий в Македонии и Эпире, а интересы Сербии и Черногории распространялись на Ново-Пазарский санджак, Албанию и Македонию. Согласно военному плану, разработанному сербским Генеральным штабом, Первая сербская армия под верховным командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича начала продвижение в направлении Куманово и Скопье, операции Второй армии под командованием генерала (а позднее воеводы) Степы Степановича осуществлялись в направлении Кюс-тендила, Третья армия Божы Янковича наступала на Косово, а части так называемой Ибарской армии вступили в Ново-Пазарский санджак, стремясь соединиться с действовавшими там же черногорскими войсками.

Черногорская армия была разделена на три отряда. Приморский отряд находился под командованием генерала М. Мартиновича — главы кабинета и одновременно военного министра страны — и базировался в районе Бара. Зетский отряд — которому вменялось в задачу занятие албанской крепости Шкодра — располагался в районе Подгорицы; командовал им престолонаследник Данила. Наконец, Восточный отряд под командованием генерала Я. Вукотича был призван обеспечить безопасность черногоро-турецкой границы, а при благоприятных условиях развернуть наступление в направлении городов Плевле, Мойковац, Бераны и Плав и далее в пределах Ново-Пазарского санджака и Метохии. Вооруженные силы Черногории включали в себя 35.600 человек и 106 артиллерийских орудий российского и итальянского производства — в основном устаревшего типа, — а также 12 пулеметов ¹⁴. Верховным командующим черногорской армии являлся король Никола.

484

Балканские войны 1912—1913гг.

После вступления в войну всех «заинтересованных» государств, общее соотношение сил оказалось в пользу Балканского союза: 578000 солдат против 420000 с турецкой стороны ¹⁵.

Военное сотрудничество балканских союзников находилось на достаточно высоком уровне, при этом на вышеупомянутую Первую сербскую армию возлагалась особая задача осуществления непосредственной координации действий сербских и болгарских вооруженных сил.

О необычайном патриотическом подъеме, охватившем самые широкие слои сербского общества, свидетельствует, в частности, тот факт, что представитель правящей династии князь Арсен Карагеоргиевич (брат Петра I Карагеоргиевича), имевший воинское звание генерала сербской армии, после объявления мобилизации прибыл из Парижа в Белград и лично возглавил кавалерийскую дивизию, действовавшую в составе Первой армии ¹⁶.

Уже в первые дни войны Зетский и Приморский отряды черногорской армии достигли серьезных успехов в приграничных боях, однако не сумели воспользоваться благоприятным развитием ситуации. Вместо того, чтобы осуществить стремительный бросок на Шкодру и занять крепость в результате атаки с двух направлений, Верховное черногорское командование и командующий Зетским отрядом отдали предпочтение постепенному продвижению вперед. Помимо губительной в военных условиях потери времени, подобная осторожность была неоправданной и из тактических соображений, ибо сосредоточенные на момент начала боевых действий в районе Шкодры турецкие силы составляли 7000 человек личного состава и 5000 башибузуков — местных албанских добровольцев; путь на город был открыт, местные албанские католические племена груди, хотя и кастрати перешли на сторону черногорских войск, и таким образом, тылы последней находились в безопасности.

Черногорские войска начали обстрел горы Тарабош, на которой располагался форт, господствовавший над городом, 21 октября 1912 г.¹⁷ Турецкое военное командование придавало важнейшее значение обороне этой стратегически важной и способной выдержать длительную осаду крепости¹⁸. Уже 9 октября — т. е. на следующий день вслед за объявлением Черногорией войны — в город из Тираны прибыл вооруженный отряд под командованием Эссад-паши¹⁹. Эта колоритная фигура крупного землевладельца, военачальника и политического авантюриста по праву занимает важное место на страницах нашего исследования. Достаточно упомянуть организованное им убийство коменданта Шкодры Хуссейна Ризы-паши, заместителем которого он являлся. Этот акт был совершен в лучших

I

Балканские войны 1912—1913гг.

485

восточных традициях после совместного ужина убитцы и жертвы. В результате Эссад-паша стал фактическим правителем города²⁰.

Как результат вышеуказанного промедления, начальник шкодринского гарнизона получил в свое распоряжение еще 24000 солдат регулярной турецкой армии и более 5000 добровольцев, что в конечном итоге сыграло ключевую роль в определении судьбы города.

Тем временем части Восточного отряда черногорской армии развивали успешное наступление на все протяжении фронта и, преодолевая сопротивление турецких войск и добровольческих соединений, заняли Мойковац, Бело Поле, Плевле, Бераны, Рожай, Плав, Гусинье и 4 ноября 1912г. — одновременно с сербскими отрядами — вошли в Дьяково. Тем самым Восточный отряд полностью выполнил боевую задачу, поставленную перед ним накануне войны Верховным военным командованием; его подразделения были переброшены под Шкодру для поддержки завязнувших там черногорских войск, а его командир Я. Вукотич был назначен на пост начальника Верховного командования.

18 ноября 1912г. сербские части, осуществлявшие экспедицию в направлении Адриатического моря через Северную Албанию, встретились с соединениями черногорского Приморского отряда в районе Леша. Как сообщал командир последнего в своем донесении королю Николе, «встреча двух сербских армий в городе Леш оказалась чрезвычайно восторженной и трогательной»²¹.

В ходе продолжавшегося два дня — 23—24 октября 1912 г. — сражения за Куманово Первая сербская армия нанесла тяжелое поражение турецким войскам и 26 октября вошла в Скопье. Одновременно Третья армия 30 октября заняла Призрен, а 4 ноября 1912 г. — Дьяково.

Болгарская армия, действовавшая во Фракии, нанесла своему противнику поражение в битве под Кирк-Килисе, окружила Адрианополь (совр. Эдирне) и повела успешное

наступление по направлению Чаталджийских укреплений и самого Константинополя. Что же касается Греции, то ее войска нанесли поражения туркам под Саран-тапоросом и Селфидже, осадили Янину и предприняли успешное наступление в направлении Битоли и Салоник — которые были заняты 8 ноября 1912 г.

Положение турецких войск стало критическим. Сербские войска в ходе продолжавшихся несколько дней — с 13 по 18 ноября — кровопролитных боев в районе города Битоль разгромили противостоявшие им турецкие силы и соединились с греческими частями в районе Флорины (ныне на северо-западе Греции). Это означало окончательное военное поражение Турции, правительство которой

486

Балканские войны 1912—1913гг.

уже 4 ноября — меньше чем через месяц после начала боевых действий — обратилось к великим державам с просьбой оказать посреднические услуги при заключении мира.

Однако сербское руководство отнюдь не считало, что ему удалось добиться реализации всех военных задач. В полном соответствии с планом Генерального штаба, после освобождения от турецких войск Косово, сербские части, сформированные в две колонны, начали соответственно 9 и 10 ноября 1912 г. военную экспедицию вглубь албанской территории, стремясь «явочным» вооруженным порядком решить вопрос получения Сербией выхода на Адриатику. 18 ноября сербские войска, преодолевая упорное сопротивление слабо вооруженных и организованных албанских отрядов, вышли на адриатическое побережье севернее города Леш. Одновременно премьер-министр королевства Пашич в получившем широкий резонанс интервью газете «Тайме» сделал достоянием международной общественности план значительного территориального расширения страны, включая пятидесятикилометровую полосу албанского побережья между городами Леш и Дуррес, а также район между Охридским озером и городом Дьяково²².

Данные акции привели к серьезному обострению как сербо-австрийских отношений, так и общей ситуации в Европе. После вступления сербских войск в важный албанский портовый город Дуррес, последовавшего на следующий день после провозглашения 28 ноября 1912 г. независимости Албании на всеалбанском конгрессе во Влере, в Белграде ожидали скорого начала военной операции австро-венгерских войск против Сербии — тем более катастрофической по своим возможным последствиям, ибо наиболее боеспособные сербские части находились на обширных фронтах Балканской войны, и в случае нападения двухсоттысячной императорской армии австро-сербскую границу прикрывала бы двадцатипятитысячная сербская группировка²³. В монархии Габсбургов была объявлена частичная мобилизация, в Сараево были уже отпечатаны прокламации о войне против Сербии, дипломатические представители монархии в Белграде и Цетинье получили указания предать огню документы миссий, как только начнется война, а австро-венгерские военные суда барражировали в водах Савы и Дуная с включенными прожекторами, направленными на сербскую столицу.

Тем не менее, — во многом благодаря умеренной позиции России (настоятельно советовавшей своей союзнице соблюдать благоразумие), — австро-сербского вооруженного столкновения удалось избежать. Сербское руководство приняло решение отказаться от решения проблемы выхода к морю «явочным порядком» и согла-

Балканские войны 1912—1913гг.

487

ситься на вывод своих войск с побережья, а также на передачу указанного вопроса на рассмотрение великих держав; а коронный совет в Австро-Венгрии, проходивший под председательством императора Франца-Иосифа, отклонил предложение высших военных кругов монархии об осуществлении военной акции против Сербии.

25 ноября 1912 г. турецкое правительство запросило перемирия соответствующие переговоры увенчались подписанием 3 декабря того же года соглашения, построенного на основе признания Константинополем территориальных изменений, явившихся следствием военных успехов балканского блока. В этой церемонии приняли участие представители всех воюющих государств, за исключением Греции, которая выставила в

качестве предварительного условия подписания документа передачу осаждавшегося ее войсками города Янина — одного из важнейших пунктов албано-греческого территориального спора. Тем не менее Афины — наряду со своими союзниками — согласились направить своих делегатов на мирные переговоры, начавшиеся 16 декабря в Лондоне и проходившие параллельно с конференцией послов великих держав.

Тем временем 23 января 1913 г. в Турции произошел государственный переворот, и новое руководство страны — в значительной степени под влиянием позиции, занятой по отношению к территориальным притязаниям Сербии и Черногории представителями европейских государств в британской столице, а также первых заметных трещин и противоречий, возникших внутри Балканского союза в вопросе о разделе завоеванных территорий — прервало переговоры и 3 февраля 1913г. возобновило военные действия.

5 марта 1913г. греческие войска наконец овладели Яниной, а болгарская армия при поддержке сербских частей вошла 24 марта в Адрианополь и продолжила свое наступление в направлении Чаталд-жийских укреплений, непосредственно угрожая Константинополю. Однако, уже не дожидаясь данных военных успехов союзников, турецкое правительство, столкнувшееся с отсутствием каких-либо возможностей продолжать военные действия, уже в конце февраля вновь обратилось к европейским правительствам с просьбой о дипломатическом посредничестве.

Вопрос о государственной принадлежности Шкодры обсуждался в ходе непосредственных переговоров между Черногорией и Австро-Венгрией, проходивших еще в ноябре 1912г. на уровне австро-венгерского посланника в Цетинье и личного представителя короля Николы. Предложенная Веней программа предусматривала передачу крепости Черногории при одновременном выполнении последней следующих условий: заключение с монархией Габсбургов таможен-

488

Балканские войны 1912—1913гг.

ного союза; разрешение ее гражданам беспрепятственно заниматься рыболовством в прибрежных черногорских водах; возможность свободного плавания судов под австрийским флагом по Скадарскому озеру и реке Бояна; строительство железнодорожной линии, проходящей по черногорской территории вдоль побережья; осуществление черногоро-австрийского разграничения в районе Ловчена таким образом, что под юрисдикцию Австро-Венгрии переходит стратегически важный пункт Крстац²⁴.

Король Никола отклонил данное предложение, и с этого момента Австро-Венгрия заняла непримиримую позицию в вопросе о Шкодре. Со своей стороны, черногорский правитель решил как можно скорее овладеть городом с тем, чтобы поставить Вену и другие великие державы перед свершившимся фактом. На заседании Верховного командования черногорской армии в качестве даты решающего штурма крепости было выбрано 4 декабря 1912 г. Однако в последний момент, под влиянием рекомендаций дипломатических представителей в Цетинье не предпринимать активных наступательных действий и дожидаться благоприятного для его страны разрешения указанного вопроса на общеевропейском уровне, Никола отложил операцию.

В этой связи хотелось бы остановиться на одной внешнеполитической инициативе черногорской стороны, наглядно демонстрирующей сущность военно-политических расчетов ее руководства.

24 декабря 1912 г. одна из дочерей Николы при дворе российского императора — жена великого князя Петра Николаевича великая княгиня Милица — имела (в присутствии своего мужа) продолжительную беседу с председателем Совета министров В. Н. Коковцовым, в ходе которой она передала ему записку с изложением принципиальных «пожеланий» черногорского короля, адресованных российскому правительству и включавших в себя следующие пункты:

«1. Россия должна дать совершенно определенные указания нашему Лондонскому послу не подписывать никакого соглашения по ликвидации Балканского вопроса, если только Скутари не будет признано за Черногорию...;

2. Северная граница Албании должна быть проведена так, чтобы Ипек (Пейя. — *Авт.*)

и Дьяково отошли непременно к Черногории».

В записке говорилось также о помощи хлебом и кукурузой и присылке пушек и снарядов²⁵.

Коковцов дал позитивный ответ лишь относительно поставок продовольствия; его мнение было поддержано Сазоновым и самим царем. Коковцов заметил, что предъявление ультимативного требования о передаче Шкодры «было бы равносильно полному уничтожению того согласия, которое существует до сих пор между госу-

Балканские войны 1912—1913гг.

489

дарствами, взявшими на себя тяжелый труд по разрешению балканского вопроса, еще так недавно казавшегося всем почти безнадежным»; что же касается конкретного определения черногоро-албан-ской границы, то этот вопрос явится предметом отдельного обсуждения на уровне великих держав. Наконец, по мнению российского правительства, снабжение Черногории боеприпасами в том виде, в каком на это рассчитывал Никола, представляло бы грубое нарушение принципа нейтралитета²⁶.

В январе 1913г. черногорское правительство направило Лондонской конференции послов великих держав специальное обращение, в котором подчеркивалась необходимость передачи его стране Шкодры, Пейи и Дьякова и приводились многочисленные аргументы в пользу подобного решения исторического, национального, политического, экономического и географического характера. В том, что касалось Шкодры, основной упор делался на принцип исторического права, и утверждалось, что город несколько раз входил в состав сербской державы и всегда находился в сфере влияния Сербии, — представленной в рассматриваемый период Черногорией. Кроме того, в обращении напрямую утверждалось, что в случае негативного для Черногории разрешения данного вопроса королевство будет обречено на экономическую зависимость, «которая является лишь скрытой формой политической зависимости»²⁷.

После возобновления в начале февраля 1913г. боевых действий, командование черногорской армии приняло решение осуществить давно запланированный генеральный штурм крепости. Он продолжался в течение трех дней — с 7 по 9 февраля. Черногорские войска понесли тяжелые потери во время атаки на прикрывавшие город укрепления, но взять Шкодру не удалось. Король Никола был вынужден скрепя сердце обратиться за помощью к Белграду. Сербское правительство дало утвердительный ответ и незамедлительно распорядилось образовать отдельный Приморский корпус в составе 30 тыс. человек под командованием генерала Петара Бойовича, в распоряжение которого перешли и действовавшие в районе Шкодры черногорские части²⁸.

Новый штурм Шкодры — на этот раз совместный сербо-черногорский — был назначен на 10 апреля 1910 г.; однако события стали стремительно развиваться в ином ключе. 28—29 марта 1913г. великие державы предприняли дипломатические демарши соответственно в Черногории и Сербии, потребовав от них снятия осады с крепости и вывода своих войск из албанских пределов. 6 апреля цетиньское правительство отклоняет данное требование. 8 апреля на рейде черногорского порта Бар появились корабли объединенной военно-мор-

490

Балканские войны 1912—1913гг.

ской эскадры великих держав, а министр иностранных дел Великобритании Э. Грей (председествовавший на конференции в Лондоне) заявил, что город может быть оккупирован международными силами в случае, если указанная демонстрация силы не возымеет действия. В тот же день лондонский форум принял решение осуществить военно-морскую блокаду черногорского побережья от Бара до устья Дрина. Сербия последовала настоятельным советам России и согласилась вывести свои войска из Албании. Одновременно российское правительство резко осудило позицию короля Николы, который не прислушался к требованию «отказаться от своих личных интересов и не обрекать черногорцев на бессмысленные жертвы»²⁹.

Осада крепости не прекратилась, однако Верховное командование черногорской армии — располагая данными, что гарнизон исчерпал возможности для дальнейшего сопротивления, — приняло решение не осуществлять наступательных операций, а ограничиться продолжением артиллерийских обстрелов города.

Оно не ошиблось в своих расчетах. Начальник шкодринаского гарнизона генерал турецкой армии Эссад-паша 22 апреля 1913 г. предложил черногорской стороне начать переговоры о капитуляции³⁰. 23 апреля было заключено соответствующее соглашение, предоставлявшее всем турецким подразделениям покинуть город в полном боевом снаряжении и с оружием в руках. На следующий день в Шкод-ру вошли черногорские войска.

Тем временем 27 апреля дипломатические представители великих держав в Цетинье передали черногорскому правительству коллективное письменное требование в кратчайшие сроки передать город под международный контроль. Одновременно Санкт-Петербург и Белград постоянно призывали Николу проявить уступчивость и не подвергать свою страну новым тяжелым испытаниям. Тем не менее черногорское руководство вплоть до 3 мая продолжало надеяться на благоприятное для страны разрешение вопроса.

В этот день короля Николу посетили представители Германии, Италии, Англии, Франции и России и передали обращение своих правительств, в которых содержался призыв вывести черногорские войска из города, иначе вооруженная акция Австро-Венгрии будет неизбежной. Монарх немедленно поставил об этом в известность своего сербского коллегу, от которого получил рекомендацию исполнить вышеуказанное требование.

В тот же день в Цетинье было созвано заседание Коронного совета, на котором развернулась острая дискуссия по рассматриваемому вопросу. Большинство присутствовавших придерживались мнения, что хотя черногорская армия и готова начать военные действия, от-

Балканские войны 1912—1913гг.

491

ставивая Шкодру, тем не менее, не сможет вынести тяготы двух непрерывных войн. Что же касается членов правительства и престолонаследника Данилы, то они выступили против оставления города, заверяя присутствовавших, что в случае вооруженного нападения со стороны Австро-Венгрии Черногория не останется в одиночестве. В результате конкретное решение принять не удалось, и на заседании был объявлен перерыв до следующего дня.

Тем временем Никола получил послание от главы сербского кабинета Пашича, в котором тот (опираясь на поддержку России) обращал внимание черногорского правителя на то, что его страна находится перед лицом огромной опасности и призывал его — во имя интересов всего сербства — завтра же заявить о своей согласии подчиниться воле Европы. Оно произвело впечатление на короля, который наконец принял решение оставить Шкодру; с ним согласилось и большинство членов Коронного совета.

В то же день — 4 мая 1913 г. — Никола Петрович направил соответствующую телеграмму английскому министру иностранных дел, в которой, в частности, подчеркнул: «Мое достоинство и достоинство моего народа не позволяют мне выносить односторонние угрозы, и именно поэтому я передаю судьбу города Скадар (Шкодра. — *Авт.*) в руки Великих Держав»³¹.

6 мая кабинет М. Мартиновича, не согласившийся с данным решением, подал в отставку. Главой нового состава правительства, назначенного королем, стал генерал Я. Вукотич.

Принимая 8 мая 1913 г. депутатов черногорской скупщины в своем дворце, Никола заявил: «Столкнувшись с реальной опасностью гибели Моей страны, я придерживался мудрой, спасительной для всего сербства и отвечающей интересам всеобщего мира позиции уступить объединенной Европе, передав в ее руки Скадар»³².

Договор о передаче Шкодры под контроль великих держав был подписан на следующий

день — 9 мая 1913 г., — а 14 мая в город вошел отряд международных сил. В тот же день была прекращена и блокада черногорского побережья.

Потери Черногории в первой Балканской войне убитыми на фронте, ранеными и умершими в тылу составили около 9500 человек, или четвертую часть численности ее армии³³.

Международно-правовые аспекты первой Балканской войны явились предметом всесторонних обсуждений на двух международных форумах — конференции балканских стран по заключению мира с Турцией (с участием делегаций Болгарии, Сербии, Черногории, Греции и Турции) и совещании послов шести великих держав, начавших свою работу в Лондоне соответственно 16 и 17 декабря

492

Балканские войны 1912—1913 гг.

1912г. Ключевая роль в этом плане принадлежала, безусловно, совещанию представителей ведущих европейских государств (проходившей под председательством министра иностранных дел Великобритании Э. Грея), на которой развернулись ожесточенные дебаты как между двумя военно-политическими группировками — Тройственным союзом и Антантой — так и между отдельными странами. В состав участников данного форума входили — помимо Грея — А. Менсдорф (Австро-Венгрия), К. Лихновский (Германия), А. ди Сан-Джулиано (Италия), А. К. Бенкендорф (Россия) и П. Камбон (Франция). Основное внимание сторон было привлечено к таким вопросам, как политический статус и границы новообразованного Албанского государства, территориальное разграничение Македонии, государственная принадлежность Эгейских островов, а также ряд вопросов экономического характера (в частности, проблема оттоманского долга и создание международной комиссии по контролю за турецкими финансами)³⁴.

Серьезные противоречия в ходе работе конференции выявились и между союзниками. Основными узлами внутрибалканских противоречий (помимо взаимоотношений государств Балканского союза с Турцией) являлись сербо-болгарские, греко-болгарские и даже отчасти сербо-черногорские отношения относительно дележа оккупированных областей.

Наиболее решительную позицию занимала греческая делегация во главе с премьер-министром Э. Венизелосом. В сферу территориальных претензий Афин входили Фракия, Эпир, южная часть Македонии, острова Эгейского и Мраморного морей, остров Кипр и западное побережье Малой Азии. Как отмечалось в письме российского посланника в Греции Е. П. Демидова на имя министра иностранных дел России С. Д. Сазонова от 21 мая 1913 г., — когда работа мирной конференции вступила в завершающую стадию, — «греческое правительство возлагает все надежды свои на Державы Тройственного Согласия, дабы выговорить себе право защитить свой тезис перед Совещанием Послов (к участию в котором балканские представители не допускались. — *Авт.*) по столь насущным для Греции вопросам, как южно-албанское разграничение и принадлежность Эгейских островов»³⁵.

Демидов имел специальную беседу по данному вопросу с министром иностранных дел Греции Коромиласом, в ходе которой он пытался убедить своего собеседника «не медлить заключением прелиминарного мира». Однако позиция афинского кабинета осталась непоколебимой. Как отмечал российский дипломат, «ни опасения за целостность союза, ни утрата Грецией симпатий Держав, желающих

Балканские войны 1912—1913гг.

493

во что бы то ни стало скорейшего заключения мира, ни отчуждение от нее европейского общественного мнения, — не подействовали на Г. Коромиласа. Он твердо стоял на своем: Греция не может добровольно передать в полное распоряжение и ведение Держав вопросы первостепенной для нее важности. Европа вольна приступить к экзекутивным мерам против Греции, что не обойдется без затруднений и во всяком случае оправдает, в глазах страны, упорство Правительства». Об этом же заявил Демидову в ходе продолжительной беседы и сам Венизелос, подчеркнувший, что «отстраниться от

столь насущных для нее интересов, как юго-албанский и эгейский, она не может, ибо «всякое Правительство в Греции сметено было бы на месте, а популярность Династии крайне скомпрометирована подобной непростительной ошибкой; в этом недостаточно отдают себе отчет в Европе»³⁶.

Особо жесткую позицию в отношении греческих требований относительно греко-албанского разграничения занимала Италия, стремившаяся не допустить чрезмерного расширения греческой территории в северном направлении, способного подставить под контроль Афин Корфский пролив. Итальянское правительство пользовалось безоговорочной поддержкой со стороны Германии. По словам статс-секретаря иностранных дел последней Г. фон Ягова, «владение Грецией всем проливом у Корфу закрывает и по мнению Германского Морского Штаба выход из Отрантского пролива», и «Берлинский Кабинет не может не поддержать в этом вопросе свою союзницу»³⁷.

В результате, после того как 30 мая 1913 г. представителям балканских государств был представлен окончательный текст мирного договора, подготовленный Грецией и Камбонем и сопровождавшийся предупреждением о невозможности дальнейшего затягивания переговоров, прозвучавшим из уст председательствующего, премьер-министр Греции отказался принимать участие в его подписании, и со словами «лучше война, чем позорная капитуляция» покинул заключительное заседание конференции; а сам документ был подписан за Грецию тремя остальными членами ее делегации³⁸.

Согласно договору — закреплявшему территориально-политическое устройство на Балканах после первой Балканской войны, — Турция уступала балканским государствам всю свою европейскую часть к западу от линии Мидия-Энос, а также о. Крит; вопрос о других турецких островах в Эгейском море передавался на решение великих держав³⁹.

Данный документ не распутал — да и не мог распутать — сложный и запутанный клубок внутривосточных и околобалканских проблем, зачастую имевших глубокие исторические корни. И глав-

494

Балканские войны 1912—1913гг.

ной причиной последующих конфликтов явилось то обстоятельство, что ни одно из государств региона, укрепившихся политически и расширившихся территориально, тем не менее, «не охватывает всей территории, на которой проживает соответствующая нация»⁴⁰, а исчезновение с балканской сцены кровного неприятеля в лице Османской империи, служившего для них объединяющим началом, позволяло спрогнозировать будущее развитие событий.

Сербское руководство осталось неудовлетворенным достигнутыми результатами. Получить выход на Адриатическое море через албанские земли не удалось, а предусматривавшийся сербо-болгарским договором 1912г. порядок раздела македонских земель в теперешних условиях означал территориальное соседство Болгарии с Албанией и, следовательно, возникновение еще одного объективного препятствия на пути получения косвенного выхода к морю — на этот раз через эгейский порт Салоники на основе специального сербо-греческого соглашения — в лице укрепившейся в результате войны и ориентировавшейся на государства Тройственного союза Болгарии.

Однако высшие политические и особенно военные круги страны — находившиеся под впечатлением достигнутых побед над вековым неприятелем и количеством «освобожденно-присоединенных» областей — отнюдь не собирались выполнять «территориальные» положения вышеуказанного договора. Аналогичные устремления преобладали и в софийских и афинских властных коридорах. Сильного внешнего неприятеля в лице Османской империи больше не существовало, и вместе с концом турецкого владычества в Европе пришел конец идеям балканского союза и славянской солидарности.

Уже в феврале 1913 г. сербское правительство заявило болгарскому кабинету, что оно считает необходимым пересмотреть статьи договора между двумя странами от 1912 г., в

которых речь шла о территориальном разграничении. В качестве обоснования подобного требования были выдвинуты два основных довода. Во-первых, по мнению Сербии, фактическая капитуляция Сербии перед лицом военно-политического давления со стороны монархии Габсбургов в албанском вопросе автоматически возлагала на Болгарию обязанность предоставить ей соответствующие территориальные компенсации, ибо согласно вышеуказанному документу София должна была в случае сербо-австрийской войны оказать своей союзнице военное содействие силами двухсоттысячной военной группировки.

Во-вторых, официальный Белград обвинил болгарскую сторону в том, что последняя не направила свои вооруженные силы в помощь сербам, сражавшимся на македонском театре военных действий (как это предусматривалось соглашением), в то время как сама

Балканские войны 1912—1913гг.

495

Сербия оказала ей военное содействие при осаде Адрианополя — хотя это и не было предварительно зафиксировано на бумаге.

Болгария отвергла идею корректировки задним числом предвоенного соглашения, указав в своем ответе, что она вынесла основную тяжесть борьбы на Константинопольском фронте — сыгравшем решающую роль в капитуляции Турции. Одновременно софийское правительство выдвинуло территориальные претензии к Греции, поставив под сомнение ее права на овладение юго-восточной Македонией, а также Салониками. 9—10 мая 1913 г. между двумя сторонами произошел серьезное вооруженное столкновение у Нигрите, а вскоре после этого — в районе Кавалы. Кроме того, стали стремительно ухудшаться болгаро-румынские отношения из-за добруджанского вопроса, причем позицию болгарского правительства негласно поддерживала Австро-Венгрия.

В середине апреля 1913 г. Сербия предложила Румынии заключить формальный союз. Бухарест — находившийся в союзнических отношениях с монархией Габсбургов — отклонил эту идею, однако два месяца спустя — 10 июня — заявил, что в случае межсоюзнической войны Румыния не останется нейтральной.

Тем временем в первых числах мая греческое правительство предложило Сербии заключить отдельное соглашение, направленное против недавней союзницы, и 5 мая 1913 г. в Афинах были подписаны предварительные условия греко-сербского союзного договора. В протоколе отмечалось, что оба государства обязуются заключить двусторонний договор о дружбе и союзе, которым бы гарантировались территориальные приобретения обеих стран, а также греко-сербская граница.

Сам договор был подписан 1 июня того же года в Салониках. Его положения предусматривали совместное ведение военных действий против Болгарии в случае нападения или существования угрозы нападения с ее стороны в целях нанесения ей военного поражения и раздела Македонии между Грецией и Сербией, что На деле означало отход белградского правительства от норм болгаро-сербского договора 1912 г. Оба государства-участника договора взяли на себя обязательство оказывать друг другу всестороннюю дипломатическую поддержку. При этом греческое правительство обещало открыть для своего союзника свободную торговую зону в порту Салоники сроком на 50 лет, а также предоставить право беспошлинного провоза сербских товаров по железнодорожной линии Салоники— Скопье (Ускюб) и Салоники-Битоль (Монастырь).

Одновременно стороны заключили 14 мая двустороннюю военную конвенцию, которая предусматривала, что Сербия в случае вой-

496

Балканские войны 1912—1913гг.

ны с Болгарией должна была выставить армию численностью в 150000 человек, а Греция — 90000 человек. При этом единоличное — без предварительных консультаций — выступление одного из государств-участников договора против Болгарии не

обязывало его союзника принимать участия в войне, но требовало от него сохранения благожелательного нейтралитета⁴¹.

Процесс фактического распада Балканского союза встретил негативную реакцию в Санкт-Петербурге. 1 мая 1913 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов призвал Сербию и Болгарию передать все спорные вопросы на верховный арбитраж своей страны — как это было предусмотрено статьей IV союзного договора. Однако и в Белграде, и в Софии не собирались идти на уступки. Болгарское правительство не видело никаких оснований для пересмотра прежних договоренностей, а сербский кабинет был не намерен садиться за стол переговоров без предварительного согласия Болгарии именно на их изменение. Скупщина Сербии приняла специальную резолюцию, в которой решительно отвергался вывод сербских войск из занятых ими македонских областей, в военных кругах страны все большее распространение приобретала идея государственного переворота — в случае, если правительство Пашича пойдет в этом вопросе на уступки болгарской стороне, а наиболее решительно настроенные члены вооруженных отрядов, действовавших в Македонии, пригрозили физически устранить главу кабинета. Что же касается Болгарии, то здесь наиболее жесткую позицию занимал генерал М.Савов, призывавший — в противовес более умеренному премьер-министру страны И. Гешову — правительство и короля Фердинанда осуществить стремительную военную операцию против Сербии и Греции и тем самым поставить Европу перед свершившимся фактом.

Стремясь во что бы то ни стало сохранить Балканский союз, Сазонов 1 июня 1913 г. направил главам правительств Болгарии, Греции, Румынии и Сербии специальные приглашения прибыть в Санкт-Петербург на многосторонние переговоры. Однако его идея оказалась реализованной лишь отчасти. Опасаясь необъективности и просоциальных симпатий российского правительства, Пашич в ходе состоявшейся у него встречи со своим болгарским коллегой в Цариброде предложил организовать упомянутый форум в Салониках.

Тем временем позиции Гешова в болгарском руководстве окончательно ослабли, и 6 июня 1913 г. его кабинет подал в отставку. Новое правительство страны было сформировано 15 июня С.Даневым. В самый разгар данного внутривосточного кризиса, 8 июня, в Софии — а также в Белграде — было получено личное послание россий-

Балканские войны 1912—1913гг.

497

ского императора Николая II, в котором тот выражал свое удивление и озабоченность в связи с тем, что его предложение о созыве в российской столице конференции лидеров правительств четырех государств не было услышано и еще раз призвал стороны сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет братоубийственная война, Россия оставляет для себя полную свободу действий.

Сербский король Петр Карагеоргиевич дал в целом позитивный ответ на данное обращение, хотя и подчеркнул, что требования, которые предъявит его страна в ходе намечавшихся переговоров, не могут быть ограничены нормами сербо-болгарского договора 1912г. Что же касается болгарского монарха Фердинанда Кобурга, то он указал, что ранее уже прибегал к посредническим услугам России, и еще раз повторил, что Болгария не позволит своей вчерашней союзнице лишиться ее плодов военных побед. 25 июня 1913 г. болгарский посол в России сообщил Сазонову, что его правительство — одновременно принявшее решение отозвать своего посла из Белграда — может согласиться на российское посредничество лишь на основе соглашения 1912 г.

Данный шаг Софии встретил негативную реакцию российского кабинета, в свою очередь заявившего об отказе России от русско-болгарского договора, которым она гарантировала неприкосновенность болгарской территории, служившей яблоком раздора между Болгарией и Румынией. Это произвело определенное впечатление на болгарское руководство, и несколько дней спустя оно согласилось на посредническую роль Санкт-Петербурга без всяких предварительных условий; однако в последний

момент поездки делегатов на переговоры в российской столице была отменена по инициативе Болгарии.

Следует отметить, что переговоры вокруг российского посредничества проходили в сложной внутривнутриполитической обстановке, сложившейся не только в Болгарии, но и в Сербии. В мае депутаты от Либеральной партии подвергли резкой критике внешнюю политику старорадикального кабинета Пашича, потребовав от него занять более решительную позицию в отношении болгарских требований⁴². Спустя некоторое время, 30 июня 1913г., на заседании скупщины депутаты-либералы прямо обвинили Пашича и его правительство в чрезмерной уступчивости в том, что касалось сербо-болгарских отношений, и одновременно осудили позицию по указанному вопросу России, которая, по их мнению, всегда покровительствовала Болгарии в ущерб Сербии⁴³.

В конечном итоге Пашичу удалось добиться согласия законодательного органа на его поездку на переговоры в российскую столицу; однако оно уже опоздало. В ночь на 30 июня 1913 г. болгарские вой-

498

Балканские войны 1912—1913 гг.

ска осуществили нападение на сербские позиции на реке Брегалница. На стороне Сербии выступили Черногория, Греция, Румыния, а также Турция. Военные силы оказались слишком неравными, и поражение Болгарии оказалось еще более стремительным, чем военные неудачи Константинополя периода первой Балканской войны. Как и тогда, ход военных действий оказался достаточно неожиданным для европейских военно-политических кругов и общественного мнения. В военном руководстве России существовало мнение, что болгарская армия по своим характеристикам настолько превосходит вооруженные силы ее новых противников, что сможет нанести им поражение, даже действуя в одиночку. Предвидя такой исход нового столкновения на Балканах, российские правительственные сферы оказались в двойственном положении. С одной стороны, быстрая победа Болгарии могла быть выгодна для России тем, что полностью ликвидировала возможность вмешательства в конфликт Австро-Венгрии. Однако с другой стороны, чрезмерное укрепление позиций Болгарии вызывала серьезные опасения в Санкт-Петербурге, не имевшем особых оснований доверять Фердинанду. В этих условиях Николай II и министр иностранных дел России Сазонов оказали радушный прием прибывшему в столицу греческому принцу Николаю, имевшему поручение заручиться согласием России предпринять дипломатические шаги в Бухаресте с тем, чтобы подтолкнуть Румынию к скорейшему вступлению в войну на сербо-греческой стороне. Более того, российский и румынский монархи обменялись личными посланиями, в которых заверили друг друга в общности и интересах двух стран (рассчитывая оказанием содействия Румынии содействовать изменению ее внешнеполитической ориентации). Одновременно российское правительство отклонило просьбу о помощи, поступившую из Софии.

В результате военных действий турецкие войска вновь заняли Адрианополь, а также часть Фракии, румынская армия — начавшая боевые действия несколько позже других членов антиболгарской коалиции — воспользовалась тем обстоятельством, что болгарское военное командование не ожидало нападения с севера и держало на болгаро-румынской границе незначительные гарнизоны, практически беспрепятственно продвинулась на софийском направлении, создав непосредственную угрозу Софии⁴⁴, а сербские части нанесли болгарам тяжелое поражение на реке Брегалница. Что же касается ближайшей сербской союзницы — Черногории, — то ее правительство без колебаний откликнулось на призыв Белграда и направило в помощь сербским войскам Дечанский отряд черногорской армии под командованием генерал Вукотича, насчитывавший около 13000 че-

Балканские войны 1912—1913 гг.

499

ловек личного состава. 10 июля 1913 г. было обнародовано заявление короля Николы об объявлении войны Болгарии. Обращаясь к черногорским частям, направлявшимся на македонский фронт, он призвал их совместно с сербскими братьями исполнить свой долг «по защите наших сербских интересов», а остальных черногорцев — быть готовыми исполнить свой долг «по отношению к Отечеству и сербству»⁴⁵. Однако у черногорского руководства существовали и конкретные цели, оправдывавшие участие страны во второй Балканской войне. Оказывая вооруженную поддержку Сербии, они рассчитывали впоследствии получить от нее определенные территориальные компенсации в ходе сербо-черногорского разграничения в Ново-Пазарском санджаке, а также в Метохии.

15 июля 1913 г. кабинет Данева подал в отставку, и 20 июля Болгария передала союзникам просьбу о перемирии, которая была принята победителями не в последнюю очередь благодаря настоятельным советам России.

В ходе мирных переговоров, проходивших в Бухаресте, основным камнем преткновения стало определение направления сербо-болгарской границы в том, что касалось территорий, лежащих на левом берегу реки Вардар с городами Штип, Кочаны и Струмица, а также греко-болгарского разграничения во Фракии. В конечном итоге Болгарии (при поддержке Санкт-Петербурга, не желавшего чрезмерного ее ослабления) удалось отстоять Струмицу.

Мирный договор был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Условия данного документа оказались крайне невыгодными для Болгарии. К Румынии отошла Южная Добруджа. Болгария обязывалась в двухлетний срок нейтрализовать существующие военные крепости и не возводить новые на румыно-болгарской границе. Освобожденная от турецкого господства Македония была разделена между Грецией (Эгейская Македония с портами Салоники и Кавала), Сербией (Вардарская Македония) и Болгарией (Пиринский край)⁴⁶. Взаимоотношения между Болгарией и Турцией нашли свое выражение в Константинопольском мирном договоре, подписанном 29 сентября 1913 г. Турция вступила в войну против Болгарии 21 июля и вскоре захватила Восточную Фракию. Согласно данному документу, граница во Фракии, определенная Лондонским договором по линии Энос—Мидия, ликвидировалась. От Болгарии отходила Восточная Фракия с Лозенградом (Кирк-Килиссе), Люле-Бургасом и Адрианополем (совр. Эдирне). За ней оставалась часть Западной Фракии с поселками Дедеагач и Порто-Лагос на берегу Эгейского моря. Таким образом, хотя Болгария и сохранила выход к Эгейскому морю, у нее не осталось ни одного более или менее значительного порта.

Кроме того, стороны достигли договоренности о восстановлении дипломатических отношений⁴⁷.

Данный договор фактически подвел черту под продолжавшимся почти год балканским кризисом, в связи с чем становится понятной позитивная оценка самого факта его появления, содержащаяся в передовой статье швейцарской газеты «Тан», которая указывала, что, оставляя в стороне вопрос о справедливости конкретных положений договора для подписавших его сторон, все же следует приветствовать его заключение, так как им ликвидировался длительный период «балканской смуты», представлявший собой постоянную угрозу для мира и спокойствия в Европе⁴⁸.

Вторая Балканская война и ее итоги были неоднозначно встречены правящими кругами и общественным мнением России. Газета «Новое время» отмечала, что, несмотря на несовершенство отдельных положений Бухарестского договора и на неудовлетворенность им внешнеполитических ведомств ряда государств, нельзя не при-

знать целесообразным и спасительным для всей Европы и для самих балканских народов отказ европейской дипломатии от немедленного пересмотра его положений⁴⁹. «Свет» в передовой статье, озаглавленной «Великая Румыния и ее вассалы», проанализировав изменившееся в результате второй Балканской войны военно-политическое положение Румынии и Турции, указал на необходимость добиться полного ухода последней из пределов Фракии⁵⁰. Более решительную позицию заняла газета «Современное слово», отмечавшая, что в Бухаресте пострадали интересы не только Болгарии; ибо Бухарестский мирный договор представлял собой акт «чрезмерного умаления и унижения», помимо Болгарии, также и всей Европы⁵¹. Одновременно ряд российских газет, в частности, «Современное слово» и «Речь», подчеркивали, что межсоюзническая война представляла собой дипломатическое поражение России, покровительствовавшей славянским государствам Балканского полуострова, и на основании этого охарактеризовали Бухарестский мир как результат ослабления позиций Санкт-Петербурга на международной арене, неуклонно происходившего на протяжении всего периода после неудачной русско-японской войны 1904-1905 гг.⁵² «Современное слово» указывало, что урегулировать спорные вопросы во взаимоотношениях балканских государств не удалось. Балканы, по мнению газеты, были далеки от полного успокоения⁵³.

Отрицательную оценку итогам последних балканских событий дал и большевистский орган — газета «Рабочая правда», — указавшая, что ни одна из первоначальных целей войны не была достигнута, Македония оказалась не освобожденной, а вновь поделенной на не-

Балканские войны 1912—1913гг.

501

сколько частей и подчиненной чужому господству, а Сербия как была, так и осталась без выхода к Адриатическому морю. Газета подчеркивала: «Освободившись от турок, — говорит балканская буржуазия, — мы раз навсегда обеспечим мир на Балканах. И это оказалось ложью. Разорвав на части Македонию и получив австрийскую Албанию, балканские правительства создали два постоянных источника всяческих внутренних осложнений и постоянный предлог для иностранного вмешательства»⁵⁴.

Однако в целом можно констатировать, что комплексные результаты Балканских войн несли для России как плюсы, так и минусы. К первым можно отнести значительное усиление Сербии и создание единого территориального барьера в лице Сербии, Черногории и Греции на пути австрийской экспансии к югу, сохранение за Турцией устойчивого контроля над Проливами при одновременном ее военно-политическом ослаблении, а также укрепление проантанговских настроений в усилившейся территориально Румынии. Несомненным минусом стал распад Балканского союза и резкий всплеск сербо-болгарских взаимных территориальных претензий, открывавших широкий простор для интриг и вмешательства государств Тройственного союза. Глава М ИД Сазонов сразу же по итогам Балканских войн сделал неутешительный для России вывод, что в случае глобального общеевропейского конфликта Болгария, скорее всего, «окажется в австро-германском лагере»⁵⁵.

Следует также отметить, что, хотя в целом европейская общественность и политические круги выступили с осуждением Болгарии, развязавшей вторую Балканскую войну, тем не менее, по адресу Сербии и Греции также раздавались серьезные обвинения в преднамеренной провокации и нежелании путем переговоров урегулировать существовавшие между недавними союзниками спорные вопросы. Глава Генерального штаба австро-венгерской армии генерал Конрад фон Гетцендорф подчеркивал, что Бухарестским мирным договором Болгария пожала все плоды противоречивого Балканского союза, и лишь монархии Габсбургов, неудовлетворенной его положениями, удалось добиться определенной корректировки текста документа в пользу Болгарии⁵⁶. Рихард фон Мах, являвшийся признанным специалистом в балканских делах, прежде указал, что нападение болгарской армии на Сербию явилось логическим следствием нарушения Белградом сербо-болгарского союзного договора

1912г.⁵⁷ По словам английского посла в России Дж. Бьюкенена, «начало второй Балканской войны создало совершенно новое положение и показало уже не в первый раз, как мало в Софии и Белграде считались с приказами из Петербурга. Опьяненные свои-

502

Балканские войны 1912—1913гг.

ми победами и страдая острой формой мании величия, все балканские союзники были намерены удержать в своих руках все области, которые их армии захватили у Турции»⁵⁸. По свидетельству английского дипломата, греческий принц Николай во время своего пребывания в Санкт-Петербурге уговаривал его убедить английское правительство попытаться, используя свое влияние, вовлечь в войну, которую он считал неизбежной, Румынию и Турцию. Это дало основания Бьюкенену сделать вывод о том, что «то обстоятельство, что Греция, которая в первой Балканской войне играла бы очень печальную роль, если бы Болгария не победила турок, была готова призвать старого врага балканских христиан против своего прежнего союзника, выявляет общий дух беззастенчивой жажды захватов, который вызвал вторую Балканскую войну»⁵⁹.

Таким образом, с наибольшими территориальными приобретениями из двух войн вышли Сербия и Греция. Первая сохранила за собой все территории, занятые ею в ходе первой Балканской войны (в том числе, естественно, и вопреки положениям сербо-болгарского договора), Греция получила Кавалу и расширила свои границы на восток вплоть до устья реки Нестос, а ее население увеличилось более чем в полтора раза — с 2,7 до 4,6 миллиона человек. Кроме того, за Румынией закреплялась Южная Добруджа с городом Силистрия⁶⁰.

2 сентября 1913 г. король Никола лично приветствовал в Кола-шине части черногорской армии, принимавшие участие в боях. Потери Дечанского отряда составили около 950 человек, а вопросы сербо-черногорского разграничения стали предметом отдельных переговоров между двумя странами⁶¹.

Что же касается отдельного сербо-турецкого мирного договора, то он, после долгих и трудных переговоров — не раз находившихся на грани срыва — был подписан в Константинополе 14 марта 1914 г. и предусматривал восстановление дипломатических отношений между двумя государствами, прерванных с началом первой Балканской войны⁶².

Балканские войны нанесли серьезный удар по экономике всех участвовавших в них государств. По оценкам австро-венгерских финансовых экспертов, обе войны обошлись балканским странам в общей сложности в 3 миллиарда франков, причем на долю отдельно взятых государств пришлись следующие затраты и потери: Турция — 900 миллионов франков, Болгария — 670, Сербия — 450, Греция — 380, Румыния — 250 и Черногория — 50 миллионов франков⁶³.

Кроме того, они поставили перед балканскими государствами целый ряд вопросов, осложнявших их взаимоотношения, а также

Балканские войны 1912—1913гг.

503

общую международную ситуацию в Европе, и требовавших к себе постоянного пристального внимания. Помимо уже упоминавшейся албанской проблемы, особое место в этом плане занимал македонский вопрос. Данная область после освобождения из-под власти Турции оказалась фактически поделенной между союзниками, что было в конечном итоге закреплено Бухарестским договором. При этом каждая из сторон рассчитывала на будущее увеличение своей доли, используя для обоснования своих претензий исторические, этнографические, политические и иные аргументы, — зачастую трактовавшиеся весьма произвольно.

О том, какие последствия данная ситуация имела для населения Македонии, может свидетельствовать — в качестве лишь одного из примеров — массовая эмиграция греческого и мусульманского населения из тех ее областей, которые первоначально были заняты греческими войсками, а впоследствии отошли к Болгарии. Общее число

переселившихся в Грецию выходцев из Македонии уже к концу августа 1913 г. составило 150000 человек. Данная эмиграция имела под собой две основные причины. Во-первых, она объяснялась испытывавшимся переселенцами страхом перед болгарскими властями и нежеланием находиться под юрисдикцией Болгарии (это прежде всего относилось к греческому населению Македонии). С другой стороны, греческие власти сами сознательно создавали объективные условия, толкавшие население на подобный шаг, прилагая немалые усилия к разжиганию антиболгарских настроений среди мусульман. В этих целях они прибегали и к насильственным методам, сжигая целые турецкие села вместе с собранным урожаем. Большое количество сожженных греками сел находилось, в частности, в окрестностях Струмицы и Нев-рокопа. Что же касается лиц, уже переселившихся в Грецию, то им запрещалось возвращаться на прежние места проживания.

Данной политикой греческое правительство преследовало одновременно несколько целей, начиная с увеличения собственного населения и заканчивая созданием препятствий для экономического и политического развития Болгарии, лишавшейся значительной части трудовых ресурсов, а также компрометацией болгарских властей в глазах европейского общественного мнения при параллельном росте симпатий к Греции⁶⁴.

Подобная картина была в целом характерной для политики всех трех заинтересованных балканских государств в македонском вопросе. Кроме того, ситуация осложнялась тем, что в данной области продолжали действовать местные революционные организации и вооруженные формирования, боровшиеся за создание единого македонского государства⁶⁵.